

Мой охотник на монстров

Автор:

Марина Комарова

Мой охотник на монстров

Марина Сергеевна Комарова

«Мой охотник на монстров» – роман Марины Комаровой, жанр мистика.

Станислава сопровождает автобусные туры и не подозревает, что её судьба давно решена. Что по её следам идут двое – и не собираются отступить. Один – охотник, второй – монстр. Одному нужно её сердце, другому – жизнь. Каждому она, необученный медиум, – слаще мёда. Удастся ли договориться или придется кому-то из них вручить права на свои тело и душу, чтобы выжить?

Марина Комарова

Мой охотник на монстров

Глава 1

Человек с янтарными глазами

– Вы опоздали, – хрипло сказала я.

Почему-то во рту вмиг пересохло, стоило только янтарно-карим глазам посмотреть в мои.

– Я приношу свои извинения, – сказал он низким голосом, склонившись ко мне чуть ближе, чем позволяли приличия.

Невольно захотелось сделать шаг назад, но по венам словно пробежало жидкое пламя. В какой-то момент я поняла, что просто не могу пошевелиться, продолжая, будто загипнотизированная, смотреть на стоящего рядом мужчину.

Горан Ладич был выше меня почти на целую голову, широк в плечах, с такой мускулатурой, что хорошенько задумаешься, прежде чем встать у него на пути.

В карих глазах плясали смешинки, трёхдневная щетина придавала ему небрежно-брутальный вид вместо неопратно-разгильдяйского. Каштановые густые волосы отливали на солнце золотом. Чёрная одежда подчёркивала достоинства фигуры, а тяжёлая сумка в руке, казалось, совершенно не тяготила его.

Не зря вся женская часть нашего автобуса не отводила от него взгляда.

– Прошу этого больше не повторять, – сказала я тихо, но твёрдо. – Ваше место – тридцать пятое.

Горан кивнул, задержав на мне взгляд, и направился к своему креслу.

Я с облегчением выдохнула. Чёрт, только сейчас сообразила, что стояла, вытянувшись, будто струна под умелыми пальцами, и боялась сделать лишний вдох.

Да уж, что поделать, врождённое чувство самосохранения всегда реагировало на таких самцов – «Держись подальше, Стася, просто не подходи. Ты не стерва, не роковая женщина и не... всё остальное. Ты всего лишь руководитель туристической группы, образованная, грамотная и в это время закрытая для каких-либо шашней».

– Ну что? – спросил подошедший ко мне Дмитрий, один из водителей. – Все на месте?

– Угу, – кивнула я, вновь просмотрев список. – На этот раз все. Сейчас уточню детали и поедем.

– Хорошо, – согласился он. – Тогда порядок. И... – Дмитрий покосился на разместившегося со всеми удобствами Горана и хорошенькую блондиночку, щебетавшую с ним. – Слушай, а чего он так долго возле тебя стоял?

– Спрашивал программу маршрута, – буркнула я, понимая, что больше ничего не могу сказать.

Учитывая, что программа, словно мозаика, выкладывается по пути, ничего толкового я сказать не могла. Точнее, основные точки маршрута известны, но по времени чёткости нет. А при прохождении границы и вовсе всё может слететь бог знает куда.

Согласовав последние детали с туроператором, я зашла в автобус, осмотрела своих туристов. Так, есть пожилые, большая шумная семья с детворой, молодящиеся барышни, студенты. Что ж, коллектив разношёрстный, но это вовсе не плохо. В таких поездках сплачиваются совершенно разные люди.

Я взяла микрофон, мысленно помянув наших технарей незлым тихим словом. Дай бог, чтобы всё проработало весь тур. Иначе придётся импровизировать. Однажды микрофон приказал долго жить в первый же день. Ох, чего только тогда мне не приходилось выдумывать, господи.

– Доброе утро, дамы и господа! Приветствую всех в нашем замечательном автобусе, рейс 118, на котором мы отправляемся буквально через несколько минут в тур «Счастливые дни в Хорватии». Меня зовут Станислава Грабар, и я буду вас сопровождать в течение всей недели нашего путешествия. Наши водители Игорь и Дмитрий сделают всё, чтобы в дороге нам было комфортно и спокойно. Давайте поприветствуем их!

Туристы захлопали в ладоши. Горан отвлёкся от соседки-блондинки, несколько раз размеренно хлопнул, глядя мне прямо в глаза.

По позвоночнику пробежали мурашки. Я выдержала взгляд, но невольно захотелось оказаться от него подальше. Да что ж это такое? Что за игра? «Смотри на своего руководителя так, будто хочешь съесть?»

Перечислив ещё несколько необходимых вещей и добавив, что по всем вопросам нужно обращаться именно ко мне, я пожелала всем приятной дороги. Свет в автобусе погас – выезд всё же был в половине пятого утра. Почти всем тут удалось поспать три-четыре часа, поэтому подремать в кресле – святое. Я бы и сама с удовольствием отключилась, только теперь началась работа, а с ней и ответственность за тридцать человек. Поэтому сон вычёркиваем из распорядка дня.

Мы тронулись по трассе к украинско-венгерской границе. Периодически я поглядывала на своих «подопечных», но вскоре успокоилась.

Все спали. Даже Горан прикрыл тяжёлые веки. Странно... Имя у него хорватское. Как он тут оказался? И почему едет туристом? Может быть, просто этнический хорват, но никогда не был на родине и хочет таким образом разведать, что и как?

Решив, что голову над такой загадкой лучше не ломать, я уставилась в окно. Там, за прозрачным стеклом, чернела ночь. Казалось, жидкая тьма облила автобус с крыши до колёс, полностью отгородив находящихся здесь людей от окружающего мира.

Пока что ничего не рассмотришь. До Карпат ехать ещё пару часов. Там уже начнёт светать, озарять вершины золотистыми лучами – будет на что посмотреть. А пока...

В какой-то момент мне показалось, что кто-то меня позвал. Обернувшись, поискала взглядом звавшего, однако все так и посапывали в креслах.

Я сделала глубокий вдох и прикрыла глаза. Опять началось. Порой мне слышались голоса, которыми не могли обладать те, кто находится рядом. Об этом было страшно рассказывать, но порой становилось невыносимо. Мать говорила, что у них в роду была сильная ведунья, но при этом, скорее, как легенда семьи, а не реально существовавший человек.

Я устроилась поудобнее в кресле. Пока можно немного расслабиться и просто смотреть в никуда. Может кто-то сочтёт это странным, но я люблю дорогу. Просто ехать. Просто смотреть в окно. И доверять себя полностью тому, кто

сидит за рулём.

Несколько лет назад я осознала, что живу от тура к туру. Только в путешествии оживаю и становлюсь похожей на человека. А вот находясь без движения, будто засыхаю, как комнатное растение у нерадивой хозяйки. Нормально ли это? Не знаю.

Чья-то ладонь накрыла мою руку. Я дёрнулась, но тело окутало какой-то вязкой тёплой волной. Не удавалось даже шевельнуться.

- Вот так, - шепнули мне на ухо. По спине тут же пробежала дрожь. -
Расслабься, всё хорошо.

Внутри где-то полыхнул мгновенной искрой страх, однако тут же исчез. Тёплая волна обнимала и покачивала, пахла солью и хвоей.

Сильные руки крепко обняли меня со спины. Губы обожгли шею невесомым поцелуем. Кровь вспыхнула тысячей огней.

И тут же пронеслась паническая мысль: «Кто там? Как он подошёл?! Ведь там же спинка кресла, там...»

Я попыталась выпутаться из объятий, но ничего не удалось. Руки и ноги, словно околдованные конечности марионетки, не отзывались на мои собственные приказы.

Горячие губы прижались к моей шее. Голова пошла кругом. Захотелось обернуться, посмотреть в глаза, но меня резко стиснули в объятиях.

- Подожди, моя хорошая, ещё рано, - хрипло шепнул он.

Длинные жёсткие пальцы скользнули по щеке, очертили скулу, впелись в волосы. Чуть сжались, заставляя откинуть голову назад. С моих губ сорвался едва слышный стон. Внизу живота появилась тяжесть, а внутри всё замерло от предвкушения.

Перед глазами плыла густая горячая тьма, не дававшая ничего рассмотреть. Возникло ощущение, что на лицо просто накинули непроницаемый шёлк, сквозь который ничего не увидеть.

– Какая ты у меня красивая, – шёпот на ухо. – Не зря я столько лет тебя искал.

Кончик языка коснулся мочки моего уха, по телу будто пронёсся разряд молнии. Дышать стало тяжело, головокружение усилилось.

От поцелуев уже горели шея и плечо, возбуждение расцветало, словно ядовитый цветок. Широкая ладонь скользнула под мою блузку, оглаживая живот и поднимаясь к груди. Я еле слышно охнула и...

Автобус мягко остановился. Я резко распахнула глаза, пытаюсь прийти в себя. Нет, ничего такого, и рядом никого нет. Быстро посмотрела в окно – уже светает. Потом на часы. Так, отключилась всё же. Но ненадолго, слава богу. Во всяком случае, никто не будил, никому ничего не требовалось. Выдохнув с облегчением, я поправила ворот куртки и тут же замерла. Куртка плотно застёгнута. Так... Ну и сон, господи.

Почувствовала, что скулы вмиг опалило жаром. Да, всего лишь сон. Но ощущения такие, словно позади меня до сих пор кто-то находится. Так, не думать! Не думать об этом! Вон солнце уже даёт сиренево-розовую кромку рассвета над Карпатами. Ещё чуть-чуть – и подведем к заправке, ребятам как раз нужно топливо.

Я провела ладонями по лицу, быстро глянула на телефон, проверив сообщения из офиса. Так, пока всё хорошо, идём по плану. Два автобуса, выехавшие перед нами в Италию и Венгрию, уже отъехали на приличное расстояние, так что толпы народа быть не должно.

А ещё мне нужен кофе. Просто до ужаса. За всю жизнь у меня толком не сложилось пристрастий... кроме кофе и шоколада. Это те вещи, которые нужны постоянно. Друзья шутят, что когда я умру и рядом предложат кофе, из гроба тут же протянется моя рука, требуя стакан с этим волшебным эликсиром.

Взяв микрофон, я встала с кресла:

– Уважаемые дамы и господа, мы уже в Закарпатье. Делаем небольшую санитарную остановку. На всё про всё у нас двадцать пять минут, прошу в восемь десять всем быть на своих местах. Убедительная просьба: не опаздывать, так как у нас впереди ещё прохождение границы.

Народ радостно высыпал из автобуса и целенаправленно устремился к заправке. Я тоже вышла, вдохнула полной грудью свежий горный воздух и едва заметно улыбнулась. Всё же лучше гор могут быть только горы. И пусть мы находимся, можно сказать, внизу, всё равно вид потрясающий.

И на душе почему-то становится как-то спокойнее. Сразу замирают, отступают все тревоги и заботы, исчезает будничная суета. Остаёшься только ты и они. Ты – и вечные горы.

Пусть я до безумия люблю Львов, в котором уже живу треть сознательной жизни, однако мечта жить в горах никогда не исчезала. Возможно, когда-нибудь...

Глянув в сторону заправки, невольно улыбнулась. Мои туристы, весело галдя, выходили с полными руками минералки, сэндвичей и прочей снеди, призванной сделать дорогу краше. Всё то, что в повседневной жизни ты можешь не есть, отказавшись в пользу более здорового питания, в путешествии становится самым вкусным и неожиданно полезным. А главное – организм вполне благосклонно принимает всё то, что ему даёшь, будучи слишком увлечённым разглядыванием пейзажа за окном.

– Стася, – хриловато позвали меня голосом, от которого тут же стало немного не по себе. – Кажется, вам это необходимо.

Я резко обернулась и замерла, не веря собственным глазам.

Потому что передо мной стоял Горан Ладич и держал в руках два солнечно-жёлтых стаканчика с кофе. Точнее, от одного он уже отпивал, а второй протягивал мне.

Внутри почему-то всё перевернулось. Я поняла, что стою, словно истукан. Не то чтобы тут было что-то неприличное – угостить своего руководителя кофе. Я сама угощала молодых людей, уважаемых матрон и непоседливую ребятню, если

понимала, что человеку это необходимо. Однако тут... Сказать, что стало неловко – ничего не сказать. А ещё этот взгляд. Вот вроде бы ничего такого, но видно, как в карих глазах пляшут золотистые смешинки, вновь заливая радужку ярким янтарём. И даже кажется, что в голове звучит голос: «Ну же, девочка, не стесняйся. Ты и вправду хочешь этот чёртов кофе, без него ты разве что не засыпаешь. Так будь смелее, просто сделай шаг вперёд, протяни руку и возьми».

И... и плевать, что это выглядит как-то странно. В конце концов, почему нет? В наше время слишком привыкли видеть в общем-то невинных проявлениях заботы нечто большее.

– Спасибо, – только и смогла произнести я. Голос предательски дрогнул. – Сколько я должна?

Стоило пальцам только обхватить бумажный стаканчик, как миг стало теплее. Пусть толком не чувствуется запах через пластиковую крышечку, но уже от осознания того, что сейчас организм примет блаженную дозу кофеина, стало радостно на душе.

– Нисколько, – отмахнулся Горан. – А то на ногах не стоите.

Я подавилась и закашлялась. Собеседник пару мгновений смотрел на меня, словно не решался на что-то, а потом чуть прищурился и постучал по спине.

На глазах выступили слёзы, я тут же утёрла их тыльной стороной руки. И постаралась не думать о том, что места, где прикасалась его рука, почему-то горят огнём.

– Это что значит? Очень даже стою!

– Но круги под глазами значительные. Не высыпаетесь? – огорошил он вопросом.

Сразу я оторопела, а потом в груди закипело возмущение. Да что это такое! Не виновата я, что родилась светлокожей, да ещё и практически пепельноволосой. Любой синяк, любая царапина, стресс, недосып – всё сразу видно. И не помогает даже тонна косметики, ибо видно и косметику, и круги. И что прикажете делать?

К тому же каждый доброхот старается ласково и вроде даже заботливо сообщить мне, как я плохо выгляжу, и вообще пора к врачу, потому что больна всем на свете. В результате хочется треснуть болтуна по шее, уйти в сторонку и тихо ненавидеть весь мир. Но... Я очень здраво оценивала мускулы Горана, а также ответку, которая может прилететь, поэтому ничего не оставалось, как сделать глубокий вдох и велеть себе успокоиться.

– Это врождённое, ничего страшного, – ответила я как можно вежливее, зная, однако, что получилось куда резче, чем хотелось.

От Горана это явно не укрылось. Тёмные брови сошлись на переносице. От него будто исходили упругие волны силы, от которой хотелось спрятаться подальше. Даже карие глаза почернели, превратившись в жуткую бездну. Сердце вдруг пронзила мимолётная боль. Вспыхнуло странное осознание: нельзя так отвечать, нельзя! Добром это не кончится. Смягчить! Только как?

И, поддавшись непонятному порыву, я для самой себя неожиданно спросила:

– Горан, вы же хорват?

Чернота вмиг развеялась дымом, будто никогда её и не было. В глазах появилось удивление. Да, явно не ждал, что я сменю тему.

– Да, именно, – кивнул он. – А что?

– А почему... – начала я, подбирая слова.

Тем временем автобус вернулся на прежнее место. Дмитрий махнул мне, что всё в порядке, можно ехать. Я поджала губы. Так, вся болтовня потом. Работа прежде всего.

– Извините, нам сейчас отъезжать, – как можно вежливее попыталась сказать я. – Время. Проверю наших всех.

Горан кивнул и не сдвинулся с места. Я метнулась к заправке, чтобы проверить, не остался ли кто у прилавка, но взгляд Горана чувствовала ещё долго.

И почему-то не покидало ощущение, что стоило всё же выделить ещё пару минут и услышать ответ на свой невысказанный вопрос. Будто там было что-то важное. До безумия важное.

Однако сейчас моей задачей было отправить рыженькую егозу, которая заболталась с симпатичным продавцом салатов. Извинившись, девчонка шмыгнула в автобус. Что ж, уже хорошо.

Снова оказавшись внутри, я быстро прошла и ещё один, контрольный, раз пересчитала всех – мало ли что. Но стоило поравняться с Гораном, как услышала:

– Моя семья живёт в Ловране, я много лет их не видел. Но при этом пока не готов проводить с ними больше времени, чем неделю. А тур – прекрасная возможность сменить обстановку и решить семейные вопросы.

Я невольно посмотрела на него. Лицо было непроницаемым. Чёрт. Как он понял, что именно меня интересует? Или всё так ясно написано у меня на лбу?

Молчание, кажется, затянулось, потому что он чуть улыбнулся:

– Я удовлетворил ваше любопытство, Стася?

– Да, – выдохнула я, – вполне. Спасибо.

И пошла по ряду дальше, отчаянно осознавая, что это самое настоящее бегство. Потому что находиться рядом с этим человеком невозможно. Смотрит так, будто вынимает душу. И хочется одновременно оказаться на краю земли и в то же время сесть рядом, оттеснив беспокойную блондинку, ощутить жар его тела и попросить: «Обними меня».

Желание было настолько странным, необъяснимым и пугающим, что я дала себе установку переключить всё внимание на маршрут. Иначе так можно и с ума сойти.

Поговорив со всеми, я вернулась на своё место. От того, что подобные мысли появлялись по отношению к незнакомому мужчине, было очень... очень не по

себе. Раньше я не замечала за собой ничего подобного. Всё больше в романтическом ключе думала уже о тех, с кем как-то пообщалась. А тут будто разум помутился. Я не воспринимала Горана как красивого мужчину или, не дай бог, как потенциального любовника. Хотя... Просто смотрела на него, понимала, что быть рядом – правильно. Просто правильно. А ещё как-то... спокойно. Будто, если сяду рядом, прижмусь к горячему боку и позволю обнять себя за плечи, то всё встанет на свои места. Исчезнут непонятные кошмары, что приходят незваными среди ночи, растают разногласия с семьёй, не станет жуткого ощущения, что я лишняя на этом празднике жизни.

Я резко сделала вдох. Чертовщина какая-то. Это просто раннее утро, грань между ночью и днём, когда может померещиться что угодно. Как ни странно, я всегда чувствовала себя в это время как-то неопределённо. Казалось, что может приключиться что угодно. Даже оживут те чудовища, которые приходят во сне...

Вайбер пикинул, я тут же глянула на экран телефона. Высветилось сообщение от Мишки: «Предупреди своих о колбасе и молочном. У нас хоть ничего не отобрали, но смотрели очень подозрительно».

Я быстро отписала благодарность и вздохнула. Да уж, вот всегда так. Каждый раз волнуюсь как в первый. Коллеги чего только не рассказывали. И отбирают, и развернуть автобус могут, и что угодно. Но пока мне, тьфу-тьфу, везло. Ни разу ещё не было такой границы, чтобы моим туристам досталось.

Проведя ладонями по лицу, ещё раз глянула на сообщение. Так, ну-ка взять себя в руки. Мишка просто так писать не стал бы. В офисе у нас завязалось что-то вроде дружбы, предупреждали друг друга постоянно. Михась был вполне открытым и дружелюбным парнем, коренным львовянином, который взял меня под крыло, стоило только прийти на работу. Помогал в деле и всячески поддерживал. Говорил, что начальство дури?т, но не стоит обращать на это внимание. В общем, стал практически старшим братом. Можно было бы подумать что-то другое, но Мишка был женат и воспитывал хорошенького карапуза.

Поэтому, как можно дальше отодвинув мысли о Горане и произошедшем на стоянке, стараясь не думать о том, что принесённый им кофе был почему-то в два раза вкуснее, чем обычный, я снова заняла своё место в проходе автобуса.

– Дорогие дамы и господа, прошу подготовить ваши загранпаспорта, а также вспомнить, не везёте ли вы что-то запрещённое. Иначе от этого придётся избавляться перед границей. Напоминаю, что алкоголь, сигареты и... Так, кто-то везёт колбасу?

Автобус загадочно зашуршал. На моих губах невольно появилась улыбка.

– И так всегда, знаете. Стоит спросить о колбасе, как народ резко начинает нервничать.

Тут же донёлся смех.

– А как же без неё? – донёлся грубый бас пожилого мужчины из Днепра. – Что ж мы, страдать будем?

– Это точно, – согласилась я. – Поэтому прошу всех съестные припасы прикрыть вещами. А если всё же обнаружат, то вести себя прилично, сделать вид, что вы и не особо расстроились, если мясное добро пойдёт на благо славных работников таможни.

Туристы снова рассмеялись. Я незаметно выдохнула. Никто не возмущается – уже хорошо.

Дмитрий развернул автобус, и мы остановились на границе. Я почувствовала, как бешено застучало сердце. Хоть на самом деле ничего такого, здесь я проходила не один раз. Но всё равно волнуюсь. Шеф всегда покровительственно улыбается и говорит, что так и должно быть. Хороший руководитель группы всегда переживает. И только тогда всё проходит как по маслу. А вот у равнодушных обязательно случится что-то из ряда вон выходящее.

Пограничники собрали паспорта, и нам ничего не оставалось, как ждать. Ожидание само по себе – вещь не особо приятная, а когда переживаешь – так вообще.

Но радовало, что хоть можно выйти на улицу. Уже распогодилось, всю светило солнышко, и даже ветер не особо расстраивал. Я искренне надеялась, что погода будет хорошей, потому что гулять по чужим странам и пытаться

осмотреть достопримечательности в холод и под дождём – на удовольствие совсем не тянет.

– Стася, – звонко позвала меня симпатичная блондинка, сидевшая рядом с Гораном, – а долго мы будем тут стоять?

Большие голубые глаза, мягкий взгляд, белокурые локоны. Красотка, что тут говорить. Молочная девочка, нежная и мягкая. Так и хочется протянуть руку и дотронуться, чтобы убедиться, что она настоящая.

Смотрит заинтересованно и с любопытством. Сейчас её не интересует ничего, кроме моего ответа.

– Искренне надеюсь, что недолго. Перед нами всего один автобус, – ответила я.

Аня. Её зовут Аня.

– Ой, хорошо как, – улыбнулась она. – Я первый раз еду за границу, просто не могу быть спокойной. Измучила вопросами уже всех соседей.

– Всё будет хорошо, – мягко сказала я, глядя, как туристы из стоящего перед нами автобуса взяли вещи и пошли проходить паспортный контроль.

– Соседи были совершенно не против, – раздался рядом голос Горана, и я невольно вздрогнула. И когда только успел подкрасться?

Однако тот стоял, как ни в чём не бывало и раскуривал сигарету с каким-то густым головокружительным ароматом.

– Границы – это не так страшно, как можно подумать, – сказал он и улыбнулся, переводя взгляд на меня: – Правда, Стася?

Глава 2

Охотник на монстров

Пять лет назад

Сзади раздался рык, я резко крутанулся на месте и секанул боевым ножом. Лезвие вошло в упругую плоть. Тут же над морем пронёсся дикий визг.

Шипастый хвост ударил по волнам. Я отпрыгнул назад. Щелчок чудовищных челюстей. Ещё прыжок. Снова удар. Чёрная вязкая кровь залила руку, в нос ударил резкий солёный запах.

- Осторожнее! - крикнул Живко. - Сзади!

Я успел пригнуться, над головой просвистела когтистая лапа. Взмах ножом - окровавленный обрубок, отдалённо напоминающий человеческую кисть, отлетел в сторону. Вой, от которого даже мне стало не по себе, оборвался рваным бульканьем, когда моё оружие распорол горло чудовища.

Живко мгновенно оказался рядом, проговорил несколько тягучих непонятных слов, отчего тут же захотелось заткнуть уши. Трупы обоих монстров тотчас вспыхнули белым пламенем. Короткий треск, искры в стороны - и вот уже ни следа. Ничего. Словно и не было тут тварей с Границы. Ночной берег, покой, шёпот листвы на тяжёлых от фруктов ветвях.

Несколько секунд мы молчали. Потом я повернулся и направился к морю. Присел и опустил лезвие ножа в воду, чтобы смыть чужую кровь.

- Теряешь хватку, - прозвучал за спиной голос Живко.

Я невольно вздрогнул и обернулся, глянул на старика через плечо. Хотя чего уж там, сейчас в свете полной луны несколько десятков лет будто слетели с его лица и фигуры.

- Я в самом расцвете сил, - заметил, вынимая нож и протирая его тканью. - Мне всего третий десяток.

- Дело не в возрасте, - хмуро сказал он.

Ничего не оставалось, как вздохнуть. Ну да, конечно, сейчас опять начнётся: найди свою пару, иначе сойдёшь с ума, тебя сожрёт чудовище, твои кости будут разбросаны по берегу, ими будут играть безумцы.

Представления о прекрасном у Живко очень своеобразны. Но что ж поделать, в конце концов, это двоюродный прадед, возраст которого уже страшно называть. И до старческого маразма ему очень далеко. Поэтому хочется или нет, а к словам старшего Ладича прислушиваться стоит.

Однако вот принять, что надо бросить весь свой нынешний уклад жизни и отправиться неведомо куда в поисках своего медиума... Нет, это слишком. К тому же я не один.

– У меня есть Злата, – сказал я как можно спокойнее, глядя на воду, казалось, вобравшую в себя всю тьму ночи.

Живко чуть склонил голову к плечу. На тонких губах появилась птичья усмешка.

– Злата – красивая и умная женщина. Её род знаменит был ещё тогда, когда Ладичи только набирали силу.

– Ну так... – попытался добавить я, но Живко тут же отмахнулся.

– Ой, знаю я это всё! Даже не начинай! Злата – не медиум. Она не сможет дать тебе нужную силу и сохранить психику.

Я нахмурился и закусил губу. Спорить не хотелось – слишком часто мы это делали. Но ведь бывали же случаи, что охотники оставались в здравии, не связывая судьбу с медиумом. Случалось, что счастливо жили два охотника, охотник и целительница, охотник и огнедар.

– К тому же рано или поздно она заметит, как на неё смотрит Стефан, – тем временем продолжил Живко, медленно поднимаясь по ступеням.

Спуск к берегу в Ловране не так крут, но для людей уважаемого возраста, увы, прежняя резвость уже недоступна.

– Никак не смотрит, – почти прорычал я, чувствуя, что внутри разливается пламя гнева.

Стоило кому-то сказать, что на мою женщину заглядывается Стефан, как вмиг хотелось придушить последнего. Но всё осложнялось тем, что Стефан – мой двоюродный брат, прекрасный огнедар, как и Живко. У нас никогда не было разногласий, и он не заявлял права на Злату. Только смотрел. Но от этих взглядов закипала кровь.

Останавливало только одно: я ещё не прошёл ритуал поиска своей пары. Если, не приведи господь, случится так, что кто-то завладеет моим дыханием и мыслями, очень подло и низко лишать Злату права на счастье.

Такие мысли мне совершенно не нравились. Но так уж вышло, что воспитывали меня с пониманием положения в роду и семьях. Не губи другого, если должен согнуть сам.

– А ты не груби деду, – тихо рассмеялся Живко, остановившись возле куста лавра и сорвав листочек, чтобы тут же надкусить.

Вот уж привычка! Как проходит – вечно стянёт, словно лавр тут – большая редкость.

– И не думал грубить, – буркнул я, и отвёл взгляд.

Мы поднялись к петляющей змеёй дороге и направились в Старый Град.

– Чудовища сидеть на месте не будут. Им сладко здесь, привольно, – тем временем произнёс Живко, поглядывая на проезжавшие мимо машины.

Туристов тьма, жизнь не прекращается даже ночью. Хорошо, что твари Границы не заметили этих гуляк. Правда, в Старый Град соваться им боязно. Здесь столько охотников и огнедаров, что можно потерять голову, едва коснувшись выщербленных временем ступенек возле маленького рынка.

Поняв, что моё молчание – явно не признак жажды общения, Живко покачал головой, потом посмотрел на меня:

– Зайдёшь? У меня есть сливовица и рыба. Готовил сам.

Я чуть улыбнулся:

– Совращаешь молодое поколение с пути истинного?

Живко поднял руки в немом жесте, будто призывая небо в свидетели.

– Именно! Горан, нельзя быть таким серьёзным. Жизнь – это не только бой с чудовищами. Это совершенно прекрасная штука, где есть место доброй сливовице и отличному пршуту[1 - Пршут – копчёный или вяленый свиной окорок.]. И ещё...

– Что?

– Пообещай, что зайдёшь завтра же к Дубравке.

Я резко остановился. Ну вот, этого ещё не хватало!

Но хитрый Живко сделал вид, что только что прозвучавшие слова были сказаны вовсе не им. И как я ни пытался вернуться к разговору – ничего не выходило.

В конце концов, пришлось признать, что опыт и годы – это вам не просто так. И старый плут обведёт молодого по щелчку пальцев. Разговор получился что надо. И домой я шёл спокойный и задумчивый. Только поглядывал на ночное небо да на часовую башню церкви святого Юрая.

Тишина. Покой. Никого нет. Дома тоже. С тех пор как я купил себе отдельный домик, так было всегда. Старшие Ладичи только посмеивались: «Заведёшь пару – вернёшься». Я пожимал плечами. Вроде как молодым лучше жить отдельно. Но то и дело обращал внимание, что охотники, едва обзаведшиеся семьями, всё же приходили к старшим. Кто его знает... Возможно, так и лучше. Судить сложно, пока сам не проверишь.

Стоило мне оказаться в коридоре, как в темноте вспыхнули зеленью кошачьи глаза.

– Мяу! – сообщил упитанный котяра, практически слившийся с темнотой, и потёрся о мои ноги.

Вот кто, пожалуй, всегда ждёт и рад видеть после любого боя с чудовищами.

Пришлось всё отложить и взять его на руки.

– Что, Лука, заждался?

Кот раскатисто заурчал и потёрся головой о мой подбородок. Этому парня не смущает, что я небрит. Даже наоборот, наверное, принимает так за своего. Будто я тоже кот, только большой, горячий и малость бестолковый. Потому что кот такого размера не может быть умным. В это Лука свято верил, считая себя самым талантливым и грамотным в моём жилище.

– Проголодался?

– Мр-р-р.

Ну конечно. Пришлось покормить во избежание диких воплей среди ночи. Коту как-то всё равно: пришёл ты со свидания, с гулянки или охоты на монстров. Последнее случалось чаще всего, поэтому Лука уже привык.

После душа я прихватил сигареты и вышел на балкон. Уснуть сейчас всё равно не получится. Каждый раз после боя адреналин в крови бушевал так, что легко успокоиться не выходило. Заснуть удавалось только на следующие сутки. Хотя раньше я такого за собой не замечал.

– Это всё из-за отсутствия пары, – не упускал возможности напомнить Живко. – Думаешь, медиум просто так всегда рядом с охотником? Он не хуже целителя, только не тела, а души. И разума. А ещё медиум всегда на пару шагов впереди охотника, это ты сам знаешь. Поэтому так и необходимы истинные пары...

Я зажёл сигарету, вдохнул дым и посмотрел на горизонт. Специально выбрал жилище, чтобы было видно и горы, и море. И то и другое умиротворяет и отодвигает на задний план все тревоги. Мать даже смеётся, что когда я отживу положенный срок, то уйду не в землю, а в море, став солью.

Я откинулся на спинку плетёного стула. Чуть прищурился, глядя в никуда. Потом сделал глубокий вдох. Уже никто не помнит, сколько веков отгоняем мы нечисть от простых людей. Впрочем, это не только у нас – по всему миру так. Часть живущих на земле свято верят, что ничего такого, что не может объяснить наука, – не бывает. Часть – сталкивается с этим каждый день.

Почему так происходит? Где искать ответы? Эти вопросы так и будут висеть в воздухе до скончания веков.

В семье Ладичей много охотников, поэтому поиск пары – дело привычное. Редкие личности урождаются, как Живко, огнедарками. Людьями, которые могут зажечь пламя. Согреть или спалить – всё зависит от встретившегося им на пути человека.

Нам постоянно нужны медиумы. Постоянно.

Мой взгляд выхватил из тьмы статную фигуру в белом. Я чуть прищурился, потом вздохнул.

Пусть Живко ни разу не упомянул за столом про Дубравку, и я не давал обещания, однако... Чувствовалось, что состоялось некое соглашение – завтра, на время избавившись от принципов и желаний, я пойду к своей тётке, цепкому и грамотному медиуму-сноходцу, способной видеть то, что иные способны только смутно ощутить.

Именно Дубравка сможет показать мне, существует моя истинная пара или нет. Могу ли я остаться со Златой и бороться за наше счастье, или же изначально всё предрешено?

Я не был фаталистом и не собирался сбрасывать с себя ответственность, что бы ни увидела Дубравка. Но в то же время было просто неразумно отмахиваться от слов старших.

Поднявшись со стула, я пересёк комнату, переступил развалившегося на полу Луку и направился к двери. Успел открыть за секунду до того, как в неё постучал аккуратный кулачок Златы.

Миг – тишина. Только глаза в глаза – и всё. Серебристый свет тонул в чёрных длинных волосах, окутывавших девушку до талии. Чёрные глаза казались провалами за Границу. На полных губах едва обозначилась мягкая улыбка. Роскошную фигуру еле скрывало полупрозрачное платье, сквозь которое просвечивали все соблазнительные изгибы.

От Златы пахнет лавандой. Как и от всего, что связано с моей родиной. И голова от этого идёт кругом так, что забываешь обо всём на свете.

– Доброй ночи, Горан, – сказала она низким и густым, будто прозрачный мёд, голосом. – Да будет мир за порогом твоего дома.

Я улыбнулся, не произнеся ни слова. А потом ухватил её за запястье и притянул к себе. Прижался к пьянящим губам, приветствуя свою женщину древним способом, который намного лучше слов.

Злата на мгновение замерла, а потом прижалась ко мне, отвечая на поцелуй со всей страстью и огнём, на которые только была способна. Я стиснул её так, что не сделать ни вдоха, ни выдоха. В голову всегда бил хмель от прикосновения к горячей шелковистой коже, от жара, который шёл сквозь тонкую ткань.

Злата не дрогнула, не испугалась, прихватила зубами мою нижнюю губу. Потом тихо рассмеялась и выдохнула:

– Зверь.

– Зверь, – подтвердил я, касаясь губами её шеи и вдыхая лавандовый аромат.

Полупрозрачный рукав треснул под моими пальцами, Злата еле слышно охнула, игриво оттолкнула. Но я снова сгрёб её в объятия, не давая выскользнуть.

– К чёрту одежду, хочу тебя, – шепнул на ухо, чувствуя, как от желания становится сложно дышать.

Злата замерла, затаилась хищницей, словно готовая в любой момент выпрыгнуть из моих объятий. Я не собирался отпускать. Знал, что это наша игра. То, что есть у двоих и недоступно другим.

- Правда? – хрипло шепнула она, не оборачиваясь.

Мои ладони скользнули по её бёдрам, сминая и приподнимая юбку.

- Да-а-а... – выдохнул я, чуть прихватывая холку зубами и проводя языком по месту укуса.

А потом резко развернул, дёрнул мешающее платье, которое тут же упало к её ногам. Ночью Злата не приходит в одежде, с которой много возни.

Она прижалась к моим губам, оглаживая спину руками, постанывая и тяжело дыша. Я подхватил её на руки, переступил валявшееся на полу платье и, преодолев разделявшее нас расстояние, уложил на широкую постель.

Чёрные волосы рассыпались на белоснежной простыне. В глазах отразилось ночное небо, усыпанное искрами звёзд. Смуглая кожа, казалось, была вылита из небесного сияния.

«Ты любишь меня, Горан Ладич?» – читалось в её глазах.

- Люблю, – беззвучно шепнули губы.

А потом стало не до разговоров, потому что в моей постели не место им...

...В комнате повисла тишина. Её только едва нарушал Лука, который норовил поточить когти о новое кресло. Попытки прогнать кота неизменно оборачивались провалом. Но я готов был пробовать снова и снова, только бы не встречаться со взглядом Златы. Хотя буквально чувствовал, как она смотрит мне в спину. И, кажется, жалеет, что не может воткнуть в неё нож.

- Ты пообещал пойти к Дубравке? – холодно спросила Злата.

Открытым текстом – не обещал. Но дал понять, что не буду больше сопротивляться.

- Можно и так сказать.

– За расплывчатые ответы хочется отрезать язык, – невозмутимо сказала она.

Я повернулся и посмотрел на неё. Ловранская пантера. Пусть смотрит как королева на недостойного раба, но даже кожей чувствую её боль.

Стиснул зубы, чтобы ненароком не сорвалось грубое слово. Но в то же время она прекрасно знает, в каких семьях мы родились.

– Злата, ты сама знаешь.

Она медленно встала с постели, перекинула на грудь свои роскошные волосы. Посмотрела на меня, потом на Луку.

– Дай мне свою рубашку, Ладич. И джинсы. И не приходи сегодня.

Я тоже поднялся с корточек, оставив Луку без ласки. Хмуро посмотрел на Злату.

– Перестань...

Она резко выставила ладонь, давая понять, что не хочет ничего слышать. Можно было заставить слушать, но я понимал, что сейчас и сам не готов к этому разговору. Потому молча достал вещи из шкафа и отдал ей.

Злата кивнула и вышла из комнаты. А спустя некоторое время и вовсе покинула мой дом.

Лука вопросительно посмотрел на хлопнувшую дверь, потом на меня. Я молча отвернулся и глянул на блестящее серебром море.

Солнце сегодня палило нещадно.

– Кажется, мы надолго без женщины, – всё же сказал я, чувствуя, что питомец подошёл и потёрся о мои ноги. – Будем жить сами.

Время до вечера пролетело незаметно. Я и сам не заметил, как начало смеркаться. Поднял голову от работы – и на тебе. Значит, не время

задерживаться – Дубравка ждёт.

Это я лишний раз понял, когда оказался возле её дома. Зелёные ставни были распахнуты настежь, а из окна высовывалась морщинистая рука с коричневой сигарой.

– Я постарела, пока ты явился, дечко, – донёсся её голос. – У тебя никакого почтения к старости, Горан. Я велю тебя высечь, вот тебе моё слово.

После этого появилась голова в цветастом платке. Тёмные глаза, озорные не по возрасту и в то же время полные мудрости, внимательно посмотрели на меня. Тяжёлые серьги в ушах блеснули в лучах закатного солнца.

– Тебе всего восемнадцать, – тепло улыбнулся я, задрав голову и засунув руки в карманы. – А сечь... Какая пошлость, это слышат все соседи.

– Соседи тоже хотят сечь, дечко, – ни капли не смутилась Дубравка. – Заходи уже, а то скоро начнётся мой сериал, а ты всё в дверях со своим извечным укором на угрюмой небритой физиономии.

Я рассмеялся, но всё же потёр колючий подбородок. Да уж, что есть, то есть. Вот же язва. И годы её не портят – скорее наоборот.

Первое, что я почувствовал, оказавшись в коридоре, – удушающий аромат лаванды, слишком сладкий и густой. Что ж... у каждого медиума есть что-то своё: запах, звук, цвет. То, что помогает связываться с тем, иным миром, который находится по другую сторону Границы.

– Ага-ага, – кивнула она, появившись словно из ниоткуда, и осмотрела меня всего. Это притом, что Дубравка достигает мне едва до плеча. А ещё весьма широка в объёме.

«Легче перепрыгнуть, чем обойти, – всегда пожимала она плечами. – Все мои мужья прежде всего тренировали ноги и только потом – остальное».

– Проходи, – хмыкнула она. – У меня как раз есть сладости.

– А как же фигура? – поинтересовался я, но тут же с хохотом удрал от сухой, но очень тяжёлой руки Дубравки, намеревавшейся огреть меня по спине.

Кухонька маленькая, пахнет средиземноморскими травами, копчёностями и сладковатыми благовониями. Дубравка всегда зажигает перед своими странствиями к Границе маленькую ароматическую лампу в виде морчича – темнокожего златоглазого турка в чалме.

И вот сейчас, когда сладости остались в прошлом, а чай практически остыл, она внимательно смотрела на меня сквозь пелену дыма, исходящего от сигары.

– Ты маешься, Горан, – хрипло сказала она, чуть прищурившись.

Глаза, будто живые ониксы, смотрели внимательно и пронизывающе. Почему-то даже появилось ощущение, что за моей спиной кто-то стоит.

– Признавайся, сам созрел прийти или всё же кто-то достал? – поинтересовалась она.

– Ну... – Я на мгновение заколебался, думая, как сказать красиво и не обидно. – На самом деле...

– Пригнали пинками.

– Да.

Дубравка закатила глаза, снова затянулась. Я невольно обратил внимание на её пальцы, унизанные филигранными перстнями. Серебро, ручная работа с капелькой защитных чар, которые вкладывает семья Вуйчичей, создавая каждое украшение.

Старший Вуйчич основал магазинчик возле церкви святого Юрая и теперь имел не только высшее благословение священников, но и приличный туристический поток. Не говоря уже про местных... особенно, когда те давали заказы на украшения-артефакты.

– Что ж, дечко, это тоже метод, – кивнула она, стряхивая пепел. – Но так как пришёл ты не по доброй воле, то можешь и увидеть чёрт знает что. Или же ничего, как повезёт.

Я ничего не ответил, глядя на неё тяжёлым взглядом. Утешила. Умеет, чертовка. Главное сейчас не думать о Злате. Иначе Граница может подсунуть какую-нибудь злую шутку.

Сигара оказалась в пепельнице, свет выключился. Вот же склонность к театральности!

Глаза Дубравки вдруг вспыхнули серебром. Откуда-то по ногам потянуло холодом.

Запах благовоний наполнил всю кухню, вытесняя остальные ароматы.

– Дай мне руку, – сказала Дубравка каким-то гулким, будто далёким, голосом.

Стало немного не по себе. Я никогда не боялся чудовищ, холодное и огнестрельное оружие не вызывало страха, но сейчас по спине пробежали мурашки. Хорошо только, что меня сейчас никто не видит.

Сухие пальцы пробежались по моей ладони, очертили каждую линию, будто на ощупь пытались запомнить узор жизни. На мгновение ладонь обожгло.

Я закусил губу, чтобы случайно не охнуть – этого ещё сейчас не хватало.

Дубравка прикрыла глаза. Но даже сквозь сомкнутые ресницы просачивался серебристый свет. Всё в доме словно замерло. Даже ветер за окном не рисковал играть лёгкими шторками.

Губы Дубравки беззвучно шевелились. Я смотрел, будто зачарованный. И вдруг в какой-то момент осознал, что не могу пошевелиться. Внутри вспыхнул страх, окатил душной волной.

Время замерло. Не знаю, сколько мы так просидели, когда неожиданно раздался чей-то голос:

– Горан...

Стало жарко и холодно одновременно, будто я оказался в ледяной пустыне, окружённый кольцом пламени.

Потому что не человек называл моё имя, нет... Что-то сплетённое из лунного света и шёпота звёзд, бесконечной тьмы и солёного ветра.

– Горан...

Дубравка резко открыла глаза. Зрачки вовсе исчезли, уступив место серебристому сиянию.

– А теперь иди домой, дечко, – хрипло сказала она тем же голосом, что только что чудился мне. – Иди домой и не оглядывайся. Этой ночью ты увидишь свою судьбу. Что разглядишь, то и твоё.

Я хотел было возразить, но будто неведомая сила подняла меня на ноги и, подталкивая в спину, вывела из жилища Дубравки. И оглянуться почему-то смелости не хватило.

Глава 3

Музычар-из-Маглице

Ночь выдалась тёмной, жаркой. Звёзды светили так ярко, что, казалось, грозили обжечь.

Огромная полная луна освещала узкие улочки Старого Града. Его любят туристы. Любят местные. Каждый находит там что-то своё. Кто вдыхает запах стен и камней, кто любит голубым небом, зависшим над невысокими жёлтыми и белыми домами, кто слышит шёпот давно ушедших жителей.

Есть много тех, кто живёт рядом с людьми. Они приносят из морских далей сказочные и жутковатые сны, они помогают выжить в борьбе с монстрами, они знают намного больше, чем можно вообще вообразить.

Я уже отошёл на довольно приличное расстояние от дома Дубравки, однако до сих пор чувствовалось, что спину прожигает её взгляд. Или не её.

Сделав круг возле дома, я всё же решил спуститься к морю. К чёрту всё, сейчас заснуть всё равно не получится. А оно меня всегда успокаивает, будто открывает какую-то древнюю мудрость, обычно недоступную простым смертным.

Я присел прямо на гальку, волны рядом почти с мурлыканием накатывали на берег.

Попытался позвонить Злате, но в ухо донеслись короткие гудки. Невольно хмыкнул и покачал головой. В чёрный список кинула? Ох, пантера... Упрямая, гордая, резкая. Не будет терпеть, если что не по ней. И понять можно, и в то же время ей когда-нибудь придётся идти к такой, как Дубравка. Только уже в своей семье.

В какой-то момент мне показалось, что кто-то за мной наблюдает. Я чуть нахмурился, посмотрел по сторонам. Монстр? Нет, не похоже. Интуиция у меня отличная, предупреждает мгновенно. А тут что-то не то. Вот словно кто-то наблюдает, но не со злом. А так... с любопытством. Определить, с каким именно, пока сложно, но всё же чувствуется, что причинять вред мне не собираются.

Я провёл ладонями по лицу. Вообще не пойми что. Как и что будет происходить? Каждый охотник описывает это по-своему. Никогда не повторяется? И почему мне совершенно не хочется спать?

Стоило только подумать об этом, как тут же в голове будто появился туман. Глаза начали слипаться, захотелось тут же прилечь прямо здесь.

Мотнув головой и припомнив всех родственничков до бог знает какого колена, через силу поднялся и побрёл в сторону дома. Едва я зашёл в коридор, как тут же выскочил Лука. Прищурился, встопорщил усы и зашипел.

– Эй, парень! – удивился я, протянув к коту руку. – Совсем сдурел шипеть на хозяина?

Услышав мой голос, Лука замер, осторожно потянулся и понюхал пальцы. Потом подошёл и потёрся о ноги.

– Ещё и не признал, – проворчал я, подхватив пушистого мерзавца.

Тот некоторое время посидел, но потом деловито спрыгнул. А как только я вошёл в комнату и обернулся, то снова встретился с настороженным взглядом зелёных глаз.

Что Лука чувствует? Со мной кто-то пришёл? Но так не видно. Однако кот...

В какой-то момент я понял, что сон накатывает непроницаемой тягучей волной, закрывая реальность и утягивая меня в забытьё.

Веки против воли сомкнулись, а тело будто подхватили тысячи рук и понесли на край обрыва, чтобы сбросить в бездну.

«Нет!» – попытался я крикнуть онемевшими губами.

Ничего не вышло. Сердце колотилось как ненормальное, я летел куда-то вниз, в чудовищную черноту, где умирал свет.

В голове вдруг раздался тихий смех. Очень тихий, странный и... нечеловеческий. Он не звенит, не разливается колокольцами, а слово тянется и парит, легко щекочет обнажённую кожу и только дразнит своим присутствием.

– Го-ора-ан... – донёсся зов.

И от этого звука по коже пробежали мурашки. Меня сложно напугать, но когда начинает твориться нечто, с чем не справиться ни ножу, ни пистолету, ни доброму кулаку, становится не по себе.

– Го-ора-ан...

Падение прекратилось, я замер. Быстро принял вертикальное положение, голова закружилась, тошнота подкатила к горлу.

– Кто ты? – спросил сипло и едва слышно. И тут же разозлился на себя. Не хватало ещё так пугаться проделок медиумов.

Кто-то снова рассмеялся. Смех рассыпался на тысячи капелек и осел на коже обжигающими искрами. Я охнул. Но тут же понял, что боль была мимолётной, а в остальном... в остальном словно зашёл в густой туман, где не разглядеть и собственной руки. Настолько густой и жаркий, что повсюду оседает водой.

– Кто я... – донеслось будто со всех сторон сразу.

Тьма вдруг медленно начала редеть. Так летней ночью на берегу можно что-то увидеть, но при этом многое всё равно остаётся скрытым.

Я посмотрел по сторонам – нет, никого.

– Что тебе нужно? – на этот раз вопрос прозвучал более резко.

Повисла тишина. Не знаю, сколько так прошло времени. И только вдоволь наслушавшись ударов собственного сердца, я услышал ещё кое-что.

Шёпот волн. Тихий, ласковый, крадущийся.

Посмотрел под ноги и понял, что их окружает жемчужное облако тумана. Тумана, который проник в эту чёрную бездну не пойми откуда. И всё прибывал, прибывал, закрывая собой всё вокруг.

В шёпот волн вплелась мелодия. Пробирающая до костей. Кто-то играл на дромбуле – хорватском аналоге варгана. Вдоль позвоночника пронеслась огненная волна, каждый звук заставлял наворачиваться на глаза слёзы.

Из тумана появилась костяная рука, длинные пальцы с загнутыми ногтями сжали моё запястье.

– Пош-ш-шли.

Что-то обожгло ледяным прикосновением мою кисть, а потом зазвенело. Я вздрогнул. Спустя несколько мгновений сообразил, что это кольца. Только они не были надеты на пальцы, как это обычно делают. Кольца пронизывали костяные фаланги или были продеты сквозь ногти, свободно свисая. Колец было много, они касались друг друга. Если даже просто поднять эту странную руку и легко повести кончиками пальцев, то зазвенит всё вокруг.

Я невольно поёжился. У живого человека такое было бы невозможно. Не всверливают люди в свои кости металл... Или я чего-то не знаю?

Снова зазвучал дромбуле. Показалось, что даже дышать стало тяжелее – столько тоски было в его песне.

Сам не понимая почему, я шагнул в туман.

– Правильно делаешь, Горан, – шепнули мне на ухо. – Не стоит заставлять ждать свою судьбу.

– Как знать, – заметил я, понимая, что теперь полностью поглощён туманом, но неожиданно могу различить рядом какую-то фигуру. – Судьба или гибель?

Смешок. Звон колец.

– Ты мне нравишься. Не робкий, – сказало... оно.

Потому что голос изменился, но я не мог понять – женский он или мужской.

– Покажись, – хрипло сказал я.

Чего уж там, пропадать так пропадать. Вдруг за мной пришёл какой-то неведомый монстр?

Тишина. Мне показалось, что собеседник раздумывает. Вроде как не собирался, но в то же время почему бы нет?

Костяная рука соскользнула с моей.

Голова закружилась, я осознал, что совершенно не знаю, где нахожусь, а туман везде движется.

- Говорю же, - снова тихий смех со стоном дромбуле. - Нравишься.

- Ну так...

Оно выскочило в нескольких сантиметрах от меня. Горло сжало спазмом. Лица у этого существа не было - только клубящийся туман, меняющий цвет от жемчужно-серого дыма до серебристо-лунного марева. Вроде бы за всем этим были глаза - чуть раскосые, без зрачков, как брачский камень - белые и мёртвые. Они смотрели так, что хотелось отступить, склонить голову и сделать что-то такое, что вовеки себе не простишь.

Всё тело - туман, только виднеется фигура, которая, словно морские волны, колышется и исчезает. Но видны руки: невероятно белые, матовые, изящные. Одни только они могут зачаровать и свести с ума. Нечеловеческим серебром сияют кольца, продетые сквозь пальцы и ногти. И так же горит сумасшедшее ожерелье из монет и сотен дромбуле, которое находится там, где у существа должны быть шея и грудь.

Дромбуле пели и вздыхали, монеты нежно позванивали, кольца тихо вторили и тем и другим. Изящные руки зачаровывали, фигура и лицо убаюкивали, обещали все радости мира. Только не надо далеко ходить, чтобы понять: яд этого сна будет сладок, а марево покоя - вечным.

- Ну как я тебе, Горан Ладич? - шепнуло оно. - Нравлюсь?

- Глаз... не отведёшь, - выдавил я, в общем-то, сказав истинную правду.

По лицу словно прошла волна. Туман резко рассеялся, и мы оказались у моря. Только вот явно не в Ловране. Потому что с воды тянулся тёмными щупальцами весенний туман, обвивая стоящего передо мной, сливаясь с ним.

- Смелый. Умный... Или не очень, - расхохоталось оно, и в этот раз у меня на лбу выступил холодный пот. Потому что так смеются перед тем, как тебя уничтожить. - А не очень, потому что даже не подумал, что стоит подготовиться

перед разговором с Музычаром-из-Маглице.

Я отшатнулся, но меня тут же вернули, снова ухватив за руку.

- Но-но, не беги. Теперь уже - не беги.

Дьявол! Музычар-из-Маглице. Сумасшедший музыкант из тумана, мареводромбулист, который появляется, когда ему вздумается. Он может помогать людям, а может заморочить так, что потеряешь покой и разум. До конца жизни будешь ходить неприкаянным, слышать то, чего нет и... И ещё любит он вытягивать души медиумов и сноходцев своей волшебной музыкой, прятать их в морские раковины или же превращать в монеты.

Я покосился на ожерелье Музычара. Дромбуле много, но и монет не меньше. Если это всё - души...

Сглотнул.

- Что, Горан, думал я - персонаж сказок? - шепнул он, вдруг оказываясь у меня за спиной и касаясь пальцами висков.

Через него будто потекли какие-то силы, наполняя меня хмелем и странной жадой: тёмной, горячей, упругой. Только кольца охладили скулы, не давая полностью нырнуть в новые ощущения.

Перед глазами вдруг появилась тёмная комната. Кровать, выхваченная светом фонаря фигура. И было в ней что-то такое, что внутри всё сжалось от болезненного желания поскорее оказаться рядом. Коснуться запястья, провести по боку, погладить по белым волосам. Вдохнуть запах кожи, услышать дыхание и...

- Ты живой, - сам не понимая почему, шепнул я.

- Живо-о-ой...

Но меня больше не интересовало, где я и кто рядом. Всё естество, вся суть устремилась туда, на узкую постель, где лежала незнакомка. Она вдруг рвано

выдохнула и резко повернулась. Потом метнулась назад. И снова. Боже... Кошмар! Снится кошмар, а проснуться самой не хватает сил.

Сердце заколотилось в висках.

- Пусти, - хрипло прошептал я. - Пусти.

И рванулся вперёд, даже не думая о том, что не знаю, как туда добраться. Однако меня тут же ощутимо толкнули в спину, перед глазами завертелся калейдоскоп. Опору из-под ног вышибли, и я полетел вниз. И только сзади звучал смех, вплетённый в тихую песню дромбуле.

Но я ничего этого не слышал. Перед глазами всё мельтешило, грудь сдавило. Невозможно ни вдохнуть, ни выдохнуть. Однако не до этого, совершенно...

Стены вокруг будто сомкнулись, в нос ударил запах каких-то трав и хвои. Что это? Освежитель воздуха или же где-то лежит что-то натуральное?

Я сделал шаг вперёд, невольно покачнулся - тело предало, отказавшись молниеносно повиноваться. Девушка на кровати еле слышно застонала. Я метнулся к ней.

Девочка... Незнакомая. Да, так тоже бывает. Истинная пара - это нередко сюрприз. Истинная пара для охотника - это те, кто может дать силу и уверенность. А ещё тепло и покой.

Как это всё происходит и почему - никому не известно.

Я лёг рядом, откинул одеяло, быстро пробежался взглядом по открывшемуся передо мной телу. Полностью обнажённое. Невероятно белое, худое, но жилистое. Ростом девочка вряд ли выше меня. И сама скорее изящная, чем... Чем что?

Я провёл пальцами по её щеке, едва не задохнулся от мягкости кожи, пьянившей не хуже вина. Чуть склонился, вдыхая исходивший от неё аромат. И тут же стиснул зубы. От желания свело скулы. Жажда накинуться прямо сейчас, вжать в постель, заласкать, зацеловать, взять так, чтобы сорвала голос от

стонов, была настолько яркой, что противиться было просто невозможно.

Скользнул ладонью по её плечу, медленно спускаясь по руке ниже. Она шумно выдохнула. Я всмотрелся в её лицо. Совсем юное. Девятнадцать? Двадцать? Сколько ей? Черты лица тонкие, правильные, красивые. Высокий лоб, на который падают платиновые пряди. Прямой нос. Губы изумительно притягательные, так и хочется прижаться к ним и целовать, не давая сделать вдох. И чувствовать только одно: моя-моя-моя...

Интересно, какие у неё глаза? Длинные тёмные ресницы чуть подрагивали, но я знал, что она ещё во власти сна. И будить – не приведи господь. Сон медиума в первую встречу с охотником не в реальном мире – это сродни священнодействию. И вклиниваться в него нельзя. Это может грозить большой опасностью.

Она снова охнула и выгнулась.

Терпение лопнуло, я сгрёб девушку в объятия, не давая вывернуться. Начал целовать, как безумный, выглаживая спину и бёдра, вжимая так, что каждый выдох должен был даваться с болью.

Разум застлало пеленой вожделения. Теперь была только одна цель: овладеть своим медиумом. Вдыхать аромат её кожи, плавиться от прикосновений... Стать хмельным и отчаянным, способным на что угодно только от осознания того, что она рядом. Здесь, со мной.

Девушка не сопротивлялась, чуть нахмурилась, но не проснулась.

Откуда-то пришло понимание, что это всё морока Музычара-из-Маглице. Это он зачаровал медиума так, что та находится в плену снов.

Не раз я слышал, что были охотники, которые так же приходили к своим медиумам во снах. При этом те, будучи в оковах дрёмы, не видели их. Бывало, что в этом же сне был секс: горячий, жёсткий, умопомрачительный. Именно тогда охотник ставил метку, делая медиума своим, показывая, что теперь никто не имеет права даже посмотреть в его сторону.

Я коснулся губами обнажённого плеча. Кровь в венах превратилась в бушующее пламя. Хочу. Сейчас.

Резко вдавил девочку в постель, услышал слабый стон, прижался к губам, целуя жарко и страстно. Так, как раньше не целовал никого. Все мысли спутались, в голове всё плыло. Всё человеческое вдруг сменилось звериным. Требовало взять её прямо сейчас, совсем не думая о том, что будет дальше.

Я огладил внутреннюю сторону её бедра и... резко выдохнул. Отшатнулся, почти выпуская из объятий. Нет, так нельзя. Горан, ты охотник на монстров, а не монстр. Твой медиум никогда не простит такого. Она должна сама принять решение, сама полюбить, а не так...

Стиснув зубы, я шумно выдохнул. Господи, что это вообще было?

Я мотнул головой, отгоняя наваждение, посмотрел на лежавшего рядом медиума. Сердце вдруг кольнуло. Весь дурман страсти и желания словно смыло тёплой морской волной. Хотелось спрятать её, укрыть от всех бед, защитить. И это было таким... нормальным, естественным.

Медленно лёг рядом, не отводя от неё взгляда. Притянул к себе, обнимая и накрывая одеялом. Она уткнулась мне в плечо и как-то выдохнула... будто с облегчением.

- Прости, - еле слышно шепнул я, касаясь пальцами светлых волос.

Ответа не было, но рука девушки обняла меня за талию. Затаив дыхание, я смотрел на неё и не шевелился. Чувствовал что-то новое, необычное. Со Златой и другими такого никогда не было. Ощущение, что теперь наконец-то всё правильно. Будто раньше я был разрозненными осколками произведения искусства, которое никто не мог рассмотреть из-за хаоса, в котором они находились. А теперь... Теперь всё встало на место.

И хотелось, чтобы это всё продолжалось вечно.

Девушка, кажется, провалилась в сон ещё глубже, и на красивых губах появилась слабая улыбка.

Через силу оторвав от неё взгляд, я осмотрел комнату. Живёт, видимо, одна. И очень скромно. Минимум мебели, разве что ноутбук очень неплох. Зато на полках, на стенах, на столе находятся разные этнические вещишки, которые явно привезены из других стран. Интересно, кем она работает? Чем живёт?

В шкафу, возле книг стояла одна фотография, которая привлекла моё внимание. Светловолосая женщина и ребёнок. Захотелось рассмотреть поближе, но чудовищно не хотелось выпускать её из объятий. А ещё появилось странное чувство, что всё вокруг тает, исчезает...

- Нет! - попытался крикнуть я, сам не зная кому.

- Пора-а-а-а... - прошелестел над ухом голос Музычара-из-Маглице.

Тело медиума превратилось в дымку, меня подхватила неведомая сила и швырнула куда-то в сторону. Я зажмурился, крик застрял в горле. Попытался выставить руки, чтобы закрыться от сметавших всё на своём пути порывов ветра.

И тут же больно ударился спиной обо что-то твёрдое. Перед глазами потемнело, на некоторое время я отключился.

Пришёл в себя от того, что рядом шумело море. Со стоном повернулся на бок. Уже светало. Над водой поднялась лёгкая дымка. Розовое золото рассвета окрашивало край неба и мягко отражалось в волнах Адриатического моря.

Со стоном я принял сидячее положение. Все мышцы затекли так, словно не шевелился сутки. Что за ерунда? Дубравка как-то не предупредила, да и старшие молчали. Паразиты.

Двигаться совершенно не хотелось. Я просто сидел на берегу и смотрел прямо перед собой.

Перед глазами появилось лицо моего медиума: сомкнутые ресницы, упрямо сжатые губы и... закрытые глаза. Обожгло чуть ли не болезненным интересом: какие? Какие они?

Я запустил пальцы в волосы, взлохматил их.

Что делать в первую очередь? Как искать того, кого видел, можно сказать, во сне? Ни имени, ни страны. На поиски может уйти вся жизнь. Мой прадед Марк, брат Живко, нашёл свою пару за год до собственной смерти. Такое, конечно, бывает крайне редко, но всё же...

Под сердцем теперь будто что-то мешало. Вбили невидимый гвоздь, к которому привязали шёлковую ленту. И эта лента убегает очень далеко, теряется в тумане... И туман этот явно стелется за Музычаром-из-Маглице. А это явно не то существо, за которым нужно следовать. Только вот закреплена эта лента под сердцем у моего медиума. И её не разрезать ни одному лезвию.

Я нахмурился и закусил нижнюю губу. Ничего. Ничего страшного. Я найду выход. Только нужно немного подумать. И прийти в себя.

- А вид, а вид, - раздался откуда-то сверху голос Дубравки.

Я поднял голову. Она стояла рядом. Курила. Поправляла платок, скрывавший голову. Неизменные серьги теперь ловили лучи рассветного солнца.

- Здравствуй, Дубравка, - буркнул я, делая глубокий вдох и прикрывая глаза. - И ты, несомненно, хороша, даже лучше, чем вчера.

Она хмыкнула:

- И тебе не болеть. Compliments у тебя кривы, дечко, как дорожки в Динарских горах. Но что ж, ты никогда не блистал красноречием.

- Ты тоже умеешь порадовать, - проворчал я. Стащил с себя рубашку, постелил рядом на камнях и сделал приглашающий жест.

Дубравка присела. Я почувствовал запах дыма и ванильную сладость. Некоторое время мы молчали. Как ни странно, рядом с одним из сильнейшим медиумов-сноходцев рода становилось как-то спокойнее и умиротворённее, что ли.

- Кого видел? - отрывисто спросила она, не глядя на меня.

- Пару... - еле слышно ответил я.

Дубравка не ответила. Молчание вышло каким-то напряжённым. Такое впечатление, что она ждала совсем не этих слов.

- Это понятно, - тут же подтвердила она мою догадку, выпустила дым. - Кто тебя к ней привёл?

- Музычар-из-Маглице.

Дубравка чуть не выронила сигару, выругалась каким-то неизвестным мне проклятием. Да с таким усердием, что я изумлённо посмотрел на неё. Она могла обронить крепкое словцо, но вот как-то не с такими эмоциями.

- Что? - осторожно уточнил я.

- Просто не будет, дечко, - покачала она головой. - Очень давно он ни к кому не приходил. Многие уж думали, что вовсе потерялся на своих туманных тропках. Ан нет, нарисовался.

Сказанное мне очень не понравилось. Как и реакция Дубравки.

- И чем всё это грозит?

Она сосредоточенно затушила сигару. Потом взяла гальку и кинула в море. Явно подбирала ответ и не знала, что сказать. Вот оно как...

- Чем угодно, Горан. Музычар такая тварь... Поди догадайся, что у него на уме. Он любит медиумов. Ему наши души, что пряное вино да лучший пршут. Если уж выбрал себе жертву, то мало не покажется. Не успокоится, пока не сожрёт. Может, твоя пара настолько хороша, что его и вызвала из пучины безвестия.

Я напрягся. Этого ещё не хватало. Противостоять Музычару будет задачей не из лёгких. И тут же обожгла мысль: «Чего испугался, как заяц? Тот же монстр, только из тумана».

– Он может навредить ей? – тихо спросил я.

– Ей? – покосилась на меня Дубравка. – Может. Но может и помогать, тут не угадаешь. У нас в роду были медиумы, которых Музычар брал под своё покровительство. Но это было очень давно...

Ясно, что ничего не ясно. Ладно, спрошу ещё Живко. Он грамотный, много знает.

Только вот есть вопросы...

– Говори уже, дечко, – усмехнулась Дубравка, любуясь филигранными перстнями. – Вижу, что хочешь же.

– Как мне её найти?

И сам понял, насколько глупо это звучит. А ещё – беспомощно.

– Музычар тебе, как и любой проводник к паре, должен был оставить подсказку. На то он и приходит. Потому что всё в мире подчинено определённым законам. И нарушать их нельзя: ни людям, ни чудовищам.

Последние слова эхом отозвались у меня в голове. Чудовищам... А вдруг, увидев меня, мой медиум ничего не почувствует? Испугается? Или хуже того – начнёт избегать? Тогда я для неё стану таким же чудовищем, как монстры для любого охотника.

– Ой, что это? – вдруг поинтересовалась Дубравка, отодвигаясь в сторону и что-то доставая из кармана моей рубашки. – То-то думаю, сидеть неудобно.

В её руках оказалась фотография. Молодая светловолосая женщина держит за руку девочку лет пяти. Обе счастливые, улыбаются так, что сердце щемит. У женщины – светло-зелёные глаза, у малышки – такие же, лишь чуть темнее. За их спинами какой-то замок. А может, и музей, по виду не понять. Впечатление такое, будто это что-то старинное, но хорошо отреставрированное. На груди у женщины причудливое украшение из цветного стекла.

Фотография из шкафа моего медиума попала сюда? Не может быть! И в то же время... почему нет?

Я ещё раз глянул на девочку. Сердце бешено заколотилось. Она! Это, безусловно, она! Мой медиум... Девушка, которая ещё совсем недавно прижималась ко мне горячим телом и сонно льнула к боку.

Дубравка же рассматривала их, чуть прищурившись. Будто пыталась отыскать какой-то скрытый смысл.

- Повезло тебе, дечко, - вдруг хрипло произнесла она. - Я знаю её.

Глава 4

Тулайдонош

Моя мать всегда любила сочинять истории. Очень любила. У неё даже выходили детские сказки в одном крупном издательстве. Благику Грабар неплохо знали не только у нас, но и в соседних странах. Некоторое время её приглашали на фестивали и авторские встречи. Но потом... потом как-то всё сошло на нет. Хотя сочинять она не перестала.

Вздыхнув, я щёлкнула пальцами, устремив взгляд куда-то вниз. Гул мотора автобуса немного убаюкивал, за окнами уже стемнело. Всё из-за того, что на границе мы простояли куда дольше, чем планировали.

Я очень переживала за детей, и так вышло, что востроносому рыжуну, который уже было приготовился капризничать, начала рассказывать сказку. О звёздах, о ветре, о небывалых существах, которых никогда не видели люди.

И сама не поняла, что ко мне сразу начали подтягиваться другие дети. А потом и взрослые. Даже приблизились люди из другого автобуса. Осознав, что кругом столько людей, я чуть было не сбилась, но всё же продолжила. А завершив сказку, почувствовала, что невольно заливаюсь румянцем. Откуда столько внимания? Ведь ничего такого не делала. Всего лишь рассказала сказку. Но

смотрят на меня так, будто всех зачаровала. И сделала что-то такое, что никто не может сбросить с себя этот дурман.

Наваждение развеял Игорь, который подошёл к нам и сообщил, что можно продвигаться. Пришлось быстро всех отправить в автобус. В какой-то момент я поняла, что нигде не видела Горана. Почему-то сразу появилось какое-то необъяснимое расстройство. Отчаянно хотелось, чтобы он это услышал. Прочувствовал...

Я тут же нахмурилась, не понимая, откуда взялись такие мысли. Ничего мне Горан не должен. Уж тем более что-то чувствовать.

Уже после прохождения границы, поставив туристам фильм, я устроилась на своём месте. Путь до Будапешта не близкий, так что расслабляемся и едем.

Только вот мысли будто рухнули в прошлое. Я подпёрла щёку кулаком, упёршись локтем в подлокотник кресла. Сделала глубокий вдох.

Мама приехала из Хорватии. Она толком никогда не рассказывала, почему в какой-то момент просто переехала на Украину. То есть не молчала, но всегда ловко переводила тему. Своего отца я никогда не видела. Точнее, лишь на фотографии. А ещё знала, что по нелепому совпадению и насмешке судьбы у него такая же фамилия, как и у мамы – Грабар.

Они познакомились в Ужгороде, вспыхнул страстный роман, плодом которого стала я. Потом... очень быстро разошлись. Оказалось, что отец не способен жить с одной женщиной, позже вскрылось, что он уже бросил жену с ребёнком.

Таким образом я знала, что у меня есть брат. Но встречаться нам никогда не доводилось. А жаль. После смерти матери я уже два года как была окружена каким-то диким одиночеством. Да, были друзья, коллеги, приятели... Но почему-то всё время казалось, что без семьи я ничто. Просто в один прекрасный момент начали сниться какие-то тревожные сны, появилось ощущение, что сама я ни на что не способна, и...

Я мотнула головой. Да что за дурацкие мысли? Вон уже огни ночного Будапешта, а я бог знает о чём думаю!

Поэтому, подхватившись с места, я взяла микрофон и начала рассказывать историю города. По крайней мере, это то, что у меня получается очень неплохо. Народ ожил, начал потягиваться, с интересом слушать.

Мы подъехали к набережной Дуная, где гуляла масса народу. Аккуратные кораблики стояли у причалов и ждали туристов.

Мои уже вышли и с любопытством озирались по сторонам. Набережная Корзо могла впечатлить в первый раз. Хотя меня она впечатляла всегда.

Казалось, Будапешт встречал меня с едва заметной дружеской улыбкой. Было что-то такое, что каждый раз придавало шарма этому одновременно старому и молодому городу. В венгерской столице я неплохо ориентировалась и даже сумела кое-как подучить основные для иностранки фразы на венгерском. Что ни говори, а это один из самых головоломных языков в мире.

Группа дружно поднялась на борт кораблика с поэтичным названием «Русалка». Каждому входившему прямо на пороге подносили бокал шампанского (детям – сок) и предлагали подняться на верхнюю палубу. Хозяева этих водных прогулок давно просекли, что шампанское не только полезно для здоровья, но и усиливает любовь к ночному Будапешту. Впрочем... название города можно сменить на любое другое, но суть останется прежней.

Гид под аккомпанемент классической музыки рассказывал историю города и о мостах, под которыми мы проплывали. Мне удалось отыскать тёмный уголок, крайне полезный тем, что были видны все члены моей группы. Народ активно фотографировался и восторженно ахал. Дети радостно возвещали, что успели загадать желание под мостами.

Послышался гул. Я подняла голову и посмотрела на мост, под которым медленно проходил корабль. Мост Эржебет, Елизаветы Баварской или знаменитой королевы Сисси, к которой венгры относятся с особой сердечностью. Считается, что именно тут нужно загадывать желания о любви.

Я сразу усмехнулась, но потом закусила нижнюю губу. А почему, собственно, и нет? Пусть наконец-то рядом со мной появится человек, которому я буду нужна. И который будет любить меня всегда. Мне это нужно. Давно.

– Стася? – раздался рядом чей-то голос.

Я вздрогнула от неожиданности, голова закружилась. Я покачнулась, перед глазами мелькнула чернота вод Дуная. Страх заставил заледенеть. Но меня тут же подхватили сильные руки.

– Эй, осторожнее, – хрипло шепнул на ухо Горан, не давая сделать и шагу. – Тут глубина до девяти метров.

«Я знаю», – хотелось огрызнуться, но голова по-прежнему кружилась. И если бы не Горан, который сейчас был единственной поддержкой, то я давно бы уже упала в воду. Из которой вряд ли сумела бы выплыть, потому что никогда не отличалась умением в этом деле. Так уж сложилось, что с водой у меня были очень натянутые отношения. Не ярко выраженная фобия, но какой-то не особо нормальный страх того, что если долго пробудешь в воде, то обязательно случится что-то плохое.

А тут ещё ночь и такая глубина...

Горан, видимо, всерьёз беспокоился моим молчанием, потому что тут же оттянул подальше от фальшборта. Я осознала, что надо выскользнуть из его объятий. Что-то они затянулись для простой поддержки.

Только вот осуществить это оказалось невозможно. Словно руки и ноги отказывались подчиняться мозгу. И хотелось только прижаться крепче, ткнуться лбом в сильное плечо и прикрыть глаза. В Горане Ладиче было что-то успокаивающее. Что-то такое, что я очень давно искала и вот наконец-то нашла. Тот самый покой и уют, которых так не хватало после смерти матери.

Сердце пропустило удар, губы пересохли. Хотелось поднять голову, посмотреть в ставшие сейчас почти чёрными глаза и ощутить жар поцелуя. Прямо здесь и прямо сейчас. Чтобы его губы обжигали, а пальцы вплелись в волосы, чуть сжимая пряди и оттягивая голову назад.

По телу будто пронеслась молния. Отрезвление хлестнуло плетью. Я резко отстранилась, чудом только не пошатнулась вновь.

Горан смотрел на меня несколько озадаченно и... разочарованно? Нет, не может быть, явно показалось.

- Спасибо, - пробормотала я, чувствуя, что не знаю, куда деваться от неловкости.

Чёрт, щёки прямо горят. Хорошо, что тут темно! И никого больше нет... и Горан не умеет читать мысли. Иначе бы подумал, что я на мужчин вешаюсь и всё такое.

Предательское чувство, что мне понравились его объятия, я тут же загнала куда подальше. Нет, не думать об этом! Не хватало ещё, чтобы он что-то понял!

И тут же стало как-то тоскливо и холодно. Очень неправильно.

- Вы плохо себя чувствуете, Стася? - тихо поинтересовался Горан.

В голосе слышалось лёгкое беспокойство и забота. Разумно. Руководитель группы, который плохо себя чувствует, - это отвратительно. Какой уж тут отпуск, когда ответственный за организацию еле шевелится.

Но в то же время чудилось, что беспокойство Горана вызвано далеко не этим. Он волнуется за меня. Хоть это и странно.

- Нет, всё нормально, - покачала я головой. - Немного задумалась просто. Не обращайтесь внимания.

- А сбежали ото всех почему?

- Я не сбегала! - возмутилась я. - Что за...

И тут же прикусила язык, увидев смешинки в глазах напротив. Взяла себя в руки и шумно выдохнула, приказывая себе успокоиться.

- Дразнитесь? - спросила уже куда спокойнее.

– Если только чуть-чуть, – не стал отнекиваться Горан. – Но так вы мне нравитесь гораздо больше.

Внутри всё вспыхнуло жаром, дышать стало труднее. Нет, совсем стыд потерял! Опять издевается!

– Хорошо, что нравлюсь, – произнесла я, с трудом удерживая маску невозмутимости. – Так есть вероятность, что вы меня не забудете в каком-то городе, решив, что тур куда краше без сопровождающего.

Горан удивлённо приподнял брови, а потом неожиданно расхохотался. От его смеха по коже пробежали мурашки. Низкий такой, бархатистый, слушаешь – и голова того и гляди снова закружится.

– Конечно, нравитесь, – кивнул он. – Идёмте к нам. Шампанское и правда отличное. Да и вид там лучше.

– Я на работе, – качнула головой, но последовала за ним. – Так что мой выбор – сок.

Горан вдруг резко остановился, и я чуть не врезалась носом в его широкую спину.

– Тогда на ужине в гостинице, – сказал он.

– Что на ужине? – озадачилась я, моргнув.

– На ужине вы со мной выпьете, – невозмутимо произнёс он. – И не спорьте, я вам почти жизнь спас.

Возмущение застряло в горле, но ничего сказать не удалось, потому что он ухватил меня за рукав и потянул за собой.

Произошло всё настолько быстро, что спустя несколько минут я оказалась на освещённой фонарями палубе.

– О, Стася! – обрадовался отец неугомонных близнецов. – Идите к нам, сфоткаемся все вместе!

Я не отказывалась. Фотография группы – это всегда здорово. Люди с разных уголков страны по велению судьбы оказываются в одном автобусе на несколько дней. И этот дух коллективизма так же прекрасен, как и само путешествие.

С кораблика все вышли довольные, немного хмельные и полные эмоций. Я шагала рядом, прислушиваюсь к разговорам. Что ж, народ доволен – это замечательно. Не зря Будапешт – одна из самых красивых европейских столиц именно ночью, со стороны реки.

Мысли невольно возвращались к странному разговору с Гораном. Всё как-то неожиданно. Немного нелепо и... и я понимаю, что отчаянно жалею, что этот разговор так быстро закончился.

С удовольствием так и стояла бы там, во тьме, пронизанной только огнями мостов и зданий, рассыпанных по берегам Буды и Пешта, старинных городов, в какой-то момент слившихся в единое целое. И говорила бы с этим человеком обо всём на свете. Потому что это было как-то неожиданно легко и спокойно.

Я глянула на время. Так, ещё переезд, и можно отдохнуть будет. А утром – полюбоваться берегами озера Балатон.

* * *

Заселение прошло спокойно. Туристы, подхватив чемоданы, разошлись по своим номерам. У меня была всего одна мечта: добраться до душа, а потом – до кровати. Голова странно гудела, видимо, всё же сказывалась усталость. Да и ела через раз, в первый день тура вечно какие-то накладки.

Откровенно говоря, ничего не хотелось. Но нужно было держаться, улыбаться и проследить, чтобы все спокойно заселились в свои номера. Ведь никогда не знаешь, куда понесёт твоего туриста. И пусть это больше исключение, чем правило, всё равно не стоит расслабляться.

Однако, кажется, на этот раз удача была на моей стороне. Народ шустро разбежался по номерам, и я осталась только в компании седого мужчины в очках. Настолько интеллигентного и отстранённого вида, что он как-то не вписывался в холл этой маленькой гостиницы.

А ещё он как-то странно смотрел на меня, будто что-то заметил, но не рисковал сказать.

Сбоку вдруг что-то мелькнуло.

Я чуть нахмурилась, заполняя последний документ. Посмотрела на стену. Показалось или что-то спряталось за лиловую штору? Потёрла бровь и зажмурилась, сделав глубокий вдох. Так, пора спать, а то уже мерещится всякое.

Я взяла ключ с тяжёлым металлическим брелком, подхватила сумку и направилась к лестнице, что вела на верхние этажи.

– Будьте осторожнее, – неожиданно донеслось мне в спину.

Я остановилась и обернулась. Седовласый мужчина невозмутимо смотрел на меня поверх очков. Взгляд почему-то зацепился за серебряный кулончик, висевший у него на шее. Весьма необычное украшение. Вроде бы ничего особенного, но смотришь – глаз отвести не можешь. И эти самые глаза сами закрываются, хочется лечь прямо на этой лестнице. Странно...

Я мотнула головой, пытаюсь хоть немного прогнать туман.

– Что вы сказали? – переспросила на английском, так как мои знания венгерского хромали на обе ноги.

Кое-что спросить получалось, но всё равно особого успеха в изучении мадьярской речи я не достигла. Хоть и считала, что для иностранки я неплохо справляюсь, но... венгры считали иначе.

– Будьте осторожны, – сказал он, глядя на меня таким взглядом, что невольно захотелось сделать шаг назад, словно на меня могли напасть. – Лучше не

выключайте свет.

И только я открыла рот, чтоб разобраться, что за чертовщина происходит, как он скрылся за дверцей, ведущей в какое-то подсобное помещение.

– Ну слов просто нет, – пробормотала я, поднимаясь в номер. – И как это понимать?

Здравый смысл подсказывал, что администратор не пытался мне сказать ничего такого. Просто я не так перевела слова, и всё. После изматывающего дня и не такое послышится.

Оказавшись в номере, я поняла, что счастье есть. Кровать, конечно, могла бы быть получше, но это детали. Спать, по крайней мере, на ней можно. А горячая вода в душе и чистые полотенца, пожалуй, сейчас самое нужное. Всё остальное – мелочи. Ну, неплохо бы ещё где-то отыскать кофе, но пока что это отодвинем на задний план.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Пршут – копчёный или вяленый свиной окорок.

Купити: https://tellnovel.com/komarova_marina/moy-ohotnik-na-monstrov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)